

СТАТЬИ

УДК 93/94

ТЕРМИН «ШАЙТАН» В ХРИСТИАНСКОЙ ИСТОРИИ ОБСКИХ УГРОВ**Науменко О.Н., Молданова Т.А., Науменко Е.А.***Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, e-mail: oolgann@mail.ru, moldanowatatjana@yandex.ru, hea2004@mail.ru*

В статье рассматриваются источники появления термина «шайтан» применительно к элементам материальной и духовной культуры обских угров, в том числе для обозначения русским населением сакральных мест коренных народов Севера. Внимание авторов привлекли топонимы Шайтанский мыс, Шайтанка (название реки), Шайтанская рожа и некоторые другие обозначения, включающие данный термин. Формирование образа «шайтан» для названия языческих идолов происходило прежде всего через православное духовенство, а распространение слова «шайтан» осуществлялось посредством контактов обских угров с православными священниками, через обучение молодежи ханты и манси в Тобольской духовной семинарии, а детей – в церковных и монастырских школах. Несмотря на активное использование православными миссионерами слова «шайтан» применительно к обско-угорским богам и духам, сам термин в чистом виде не закрепился в языках ханты и манси, как это произошло, например, у удмуртов или хакасов. Анализируя причины этого явления, авторы выдвигают предположение, что существовал термин-«конкурент», заимствованный из тюркской культуры и обладающий таким же демоническим содержанием. Это влияние на обско-угорскую культуру могло осуществляться через контакты с сибирскими татарами, территория проживания которых – Сибирское ханство – граничила с Югрой.

Ключевые слова: шайтан, Шайтанская рожа, обские угры, сибирские татары, православие, Югра**THE TERM «SHAITAN» IN THE CHRISTIAN HISTORY OF THE OB UGIANS****Naumenko O.N., Moldanova T.A., Naumenko E.A.***Yugra State University, Khanty-Mansiysk, e-mail: oolgann@mail.ru, moldanowatatjana@yandex.ru, hea2004@mail.ru*

The sources of the appearance of the term «Shaitan» in relation to the material and spiritual culture of the Ob Ugrians are considered in the article. This term was used by the Russian population of the sacred places of the indigenous peoples of the North. The attention of the authors was attracted by the toponyms «Shaitan Cape», «Shaitanka» (the name of the river), «Shaitan's mug» and some other designations that include this term. The formation of the image of «Shaitan» for the name of pagan idols occurred primarily through the Orthodox clergy, and the spread of the word «Shaitan» was carried out through contacts of the Ob Ugrians with Orthodox priests, through the training of Khanty and Mansi youth in the Tobolsk theological seminary, and children in church and monastery schools. Despite the active use of the word «Shaitan» by Orthodox missionaries in relation to the Ob-Ugric gods and spirits, the term itself in its pure form has not been fixed in the Khanty and Mansi languages, as it happened, for example, among the Udmurts or Khakas. Analyzing the causes of this phenomenon, the authors suggest that there was a term-«competitor», borrowed from the Turkic culture and having the same demonic content. This influence on the Ob-Ugric culture could be carried out through contacts with the Siberian Tatars, whose territory of residence – the Siberian Khanate – bordered on Yugra.

Keywords: Shaitan, «Shaitan's mug», Ob Ugrians, Siberian Tatars, Orthodoxy, Yugra

Одной из особенностей исторического развития Западной Сибири является тот факт, что на ее территории располагался самый северный в мире форпост ислама. Это отличает Западную Сибирь от всех других территорий, включая арктические, и обуславливает специфику культурных процессов в среде коренного населения. Распространенный в истории Югры мусульманский термин «шайтан» (Шайтанский мыс, Шайтанка и др.), безусловно, отражает специфику региона, но это логично вызывает ряд новых вопросов: каковы пути проникновения этого термина в местную культуру; появился ли он вследствие прямого влияния сибирских татар или же опосредованного – через пришлое православное население; почему этот термин не закрепился в обско-угорских языках, в отличие, например, от удмуртов и хакасов? Каждый

из вопросов дает основание провести отдельные исследования. В данной статье анализируется лишь один из возможных путей проникновения термина «шайтан» в Югру: через русскую православную культуру.

Цель исследования – проанализировать процесс проникновения в культуру обских угров термина и образа «шайтан» через миссионерское влияние православного духовенства.

Материалы и методы исследования

В исследовании использованы лингвистические источники, полевые материалы, документы Государственного архива древних актов, часть из которых опубликована в сборниках документов. Среди особой группы источников необходимо выделить полевые материалы соавтора статьи, Заслуженного деятеля ХМАО-Югры, кандидата

исторических наук Т.А. Молдановой, которая выступила в роли информатора по содержанию обско-угорских культур. Выводы и результаты, отраженные в статье, получены на основе этнографических и сравнительно-исторических методов исследования, которые позволили собрать, обобщить и проанализировать исследовательский материал. Метод актуализации дал возможность спроецировать современные представления, характерные для традиционной обско-угорской культуры, на историческое прошлое для лучшего понимания анализируемых культурных процессов. В частности, это присутствие демонических образов, близких по содержанию к «шайтану», в актуальных верованиях обских угров.

Результаты исследования и их обсуждение

Обско-угорские народы не оставили документальных свидетельств, поэтому восстановление их истории сопряжено с дополнительными сложностями и происходит на основе анализа русско- и татароязычных источников, этнографических материалов, предметов обско-угорского декоративно-прикладного искусства, фольклорных образцов и лингвистических исследований. Среди комплекса этих источников встречается упоминание обско-угорских богов как «шайтанов», а шаманов – как «шайтанщиков». Применительно к XVII в. сведения о них, например, содержатся в материалах по истории Кодского (Кондинского) монастыря, расположенного в Октябрьском районе Югры: «Кодские князья... наряду с причтом и священником держали при себе шайтанщиков, а князь Дмитрий обвинялся даже в том, что отдал женку шаману на жертву шайтану» [1].

Термин «шайтан» заимствован из тюркского языка и обычно связывается с исламом: шайтан является представителем злых духов, которые враждебны Аллаху и людям; его образ близок Сатане. Анализ имеющихся исследований и исторических источников свидетельствует, что термин «шайтан» достаточно глубоко закрепился в культурном пространстве Югорского региона: как правило, им обозначали природные объекты, связанные с местами силы обских угров, где проходили шаманские камлания. В частности, на территории проживания северных хантов часто встречается топоним Шайтанский мыс [2, с. 155]: в большинстве случаев на этих мысах когда-то находились священные места обских угров. Первоначально там существовали городища, которые и сегодня называют вош пай «городка возвышенность». Со временем в эти места

заселилось русское население, и мысы получили название «шайтанские», а в Березовском районе ХМАО появилась деревня Шайтанка; известны также Шайтанские юрты и т.д. Места с подобными названиями существовали и в других регионах Сибири, отразившись на названии археологических объектов: «Шайтан II» [3], «Шайтан III» [4] и др. Более того. Ю.Б. Симченко зафиксировал широко распространенную у остяков и вогулов тамгу «шайтанская рожа» [5, с. 70–119, 158], которая имела сакральное значение и архаические корни, но время появления этого названия пока неясно. Предположительно свяжем его с переселением на Север русского населения.

«Шайтанская рожа» изображалась тремя чертами (чаще прорезями), означавшими глаза и нос, и появилась на основе изображения древних личин. Ее особое значение и смысл, который понимался русскими с негативным оттенком, отражен на так называемой «изменной» стреле княгини Анны (как видно по имени – обращенной в православие) с вырезанными шайтанами («шайтанскими рожами»). Сюжет относится к 1609 г., когда Анна, вдова кодского князя Игичея, послала в остяцкие поселения стрелу, чтобы поднять народ на восстание для восстановления независимости Коды. На стреле были «нарезаны одиннадцать шайтанов с рубежи, а поперек шайтаны резаны, и железо стрельное стерто... Служилые и торговые люди сказали, что наперед сего такие стрелы ходили промеж остяков для измены» [6]. По мнению Ю.А. Попова, на стрелах «...прослеживается генетический ряд от довольно реалистических изображений эпохи раннего железа (копье из Омского музея) через различной формы отверстия в лопастях к предельно упрощенным «шайтанам» XVII в.» [6]. Факт упрощения изображений в виде «шайтанской рожи», с одной стороны, свидетельствовал о процессе абстрагирования сакральных образов и, соответственно, их постепенной трансформации, но, с другой стороны, композиция подобных рисунков стремилась к треугольнику, «лучезарной дельте», что отражало языческое мировоззрение, личности древних богов и веру в возможности магии. Такие представления не могли поддерживаться православной церковью, поэтому использование термина «шайтанская рожа» было вполне логичным для русского населения.

На Севере Западной Сибири перед образами шайтанов совершались человеческие жертвоприношения. В 1662 г. в Березово факт покупки десятью чердынскими остяками мужчины для жертвоприношения

зафиксирован в архивном документе Российского государственного архива древних актов (РГАДА): купили «...парня остяцкого для того, чтоб де убил его чордынской шайтан» [7, с. 51–52]. Вспомним, как в XVII в. кодский князь Дмитрий обвинялся, что «отдал женку шаману на жертву шайтану» [1]. В отдельных группах обских угров эта практика продолжалась до начала XX в.: согласно отчетам Пермской и Оренбургской епархий за 1908 г., у вогулов, проживавших на севере Верхотурского уезда, человеческие жертвоприношения продолжали процветать «в полной силе», причем совершались они в честь Иисуса Христа, Богоматери и Николая Чудотворца» [8, с. 183]. Кроме убийства людей, зафиксированы варварские способы жертвоприношения животных. Из журнала священника Обдорской миссии И. Платонова за 1867 г.: «С большим изуверством приносится в жертву лошадь, ее голову, поднятую вверх, привязывают к дереву и удавливают самым варварским образом, когда одни с бешеным криком петлею душат ее, в то же время другие по примеру шамана наносят зверские раны ножами, стрелами, острыми спицами при ударах палками, лишь только изнеможенная повиснет, тотчас снимается с нее шкура...» [9, с. 70–71]. В целом русское население региона транслировало образ шайтана и «шайтанского мыса» как воплощение абсолютного зла, боли, страдания и смерти (это образ Сатаны).

Широта использования термина «шайтан» наводит на мысль о наличии единого центра, откуда он распространялся на традиционные культуры Сибири. В истории региона такая трансляция могла происходить двумя путями.

Первый путь – в ходе миссионерской деятельности со стороны тюркско-мусульманских народов, вероятнее всего сибирских татар (или их предков). Хронология и территориальный охват такого влияния до конца не ясны, но сам факт описанного выше культа коня, существовавшего в арктической зоне, указывает на древние связи с тюрками, существовавшие до наступления Малого ледникового периода, когда конь мог играть какую-либо хозяйственную роль в условиях Ямала. Тюркско-мусульманское влияние на культуру обских угров прослеживается в разных аспектах: в языковых заимствованиях, ряде сакральных образов, орнаментах (особенно у южных хантов), элементах бытовой культуры и хозяйства и т.д. [10]. Особенно сильно это воздействие наблюдалось в центре Сибирского ханства (Сибирского юрта), что привело к полной ассимиляции народов Севера: в настоящее время в райо-

не Тюмени и Тобольска не осталось ни одного поселения обских угров. В XIX в. процесс слияния народов Севера с сибирскими татарами повлиял даже на уровень и характер смертности в мусульманских поселениях [11]. Эти факторы указывают, что распространение на обско-угорские культуры термина и образа «шайтан» могло иметь более раннюю историю и исходить из миссионерской деятельности сибирских татар, но эта научная проблема – предмет отдельного исследования.

Второй путь трансляции слова «шайтан» – через православное духовенство, в процессе христианского воздействия на народы Севера. Пока невозможно сказать определенно, когда термин «шайтан» закрепился в языке русского населения, однако в их культуре он имел длительную историю, учитывая влияние Золотой Орды и ислама. Так как именно священники использовали это слово для обозначения северных языческих богов, следовательно, координирующим центром для распространения термина «шайтан» были Тобольско-Тюменская епархия и Тобольская духовная семинария. С XVIII в. для обучения в ней набирались представители коренных народов Севера [12, с. 178], которые после окончания курса возвращались в свои населенные пункты и должны были следовать изложенным в семинарии правилам миссионерского воздействия.

Конечно, при отсутствии должного контроля эти правила новообращенными священниками могли и не соблюдаться в полном объеме, однако обозначение языческих богов как «шайтанов» несло особую, важную религиозно-идеологическую функцию, и все миссионеры об этом знали. Функция заключалась в изменении традиционного мировоззрения, в котором идолы бы отторгались и были вытеснены из культуры народов Севера, – собственно, для этого и проводилась подготовка священников непосредственно из среды обских угров.

Тобольская духовная семинария распространяла влияние и на православные монастыри, включая Кондинский; там тоже проживали и учились дети обских угров [13, с. 293], которые также подвергались ежедневному религиозному воздействию. Одна из главных воспитательных целей любого миссионера – вызвать негативные эмоции относительно «кумиров», и термин «шайтан» для этого хорошо подходил. Сложно представить, чтобы проживающие в монастыре крещеные остяки и вогулы, принявшие православие (пусть и формально) и нередко попадавшие в монастырь из-за голода, отказывались называть языческих

богов «шайтанами», как это было принято у православной церкви. Кроме этого, на Севере открывались школы и училища, куда принимали инородческих детей для религиозного «просвещения»: одно из таких учебных заведений долго действовало на базе Обдорского прихода.

Религиозное влияние православных миссионеров оставило следы в ряде обско-угорских диалектов. На территории р. Казым эти слова локализируются, прежде всего, у обских хантов, возле с. Полноват: именно там до советского периода существовала церковь. Заимствованные слова трансформированы согласно правилам хантыйского языка: во-первых, Кодский (Кондинский) монастырь ханты называют *Манстар вош*; во-вторых, в традиционной культуре хантов рождение внебрачных детей не являлось чем-то запретным (так как ребенка в любом случае дает верховная богиня Калташ), а на Полноватской территории существуют слова, которые осуждают внебрачные отношения: «Я там жила в детстве и помню, что бабушку это несколько удивляло, что мы родом с верховьев этой реки и у нас этих слов не было» [14]. По настоящее время у хантов применяются слова *карек* от слова «грех» (выкидыш, превратившийся в злую сущность). Еще одно слово *посар нэ* «посар женщина» (т.е. женщина, родившая вне брака), посар от слова «позор».

В мифологии обских угров также закрепились многочисленные христианские сюжеты, трансформированные в соответствии с традиционными религиозными представлениями. Эти сюжеты достаточно полно описаны в этнографических исследованиях Н.Л. Гондатти. Название одной из публикаций «Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири» [15] правильнее было бы назвать «Следы христианских верований у инородцев...» с учетом доминирования в них язычества. Однако религиозный синкретизм в них очевиден.

Исходя из такого объема заимствованных христианских образов и слов, логично предположить, что термин «шайтан», учитывая его смысловую значимость, тоже получил закрепление в обско-угорских языках, как это произошло у ряда других христианизированных народов. Учтем также, что определенная часть хантов и манси в лице нового православного духовенства была должна (и даже обязана) использовать слово «шайтан» в силу своей должности, распространяя христианство на свою паству. Поэтому данный термин должен был не только употребляться, но и оставить след в обско-угорских языках. Однако тер-

мин не закрепился, хотя «кумиров» обских угров русское духовенство даже классифицировало на непосредственно «шайтанов» и «болванов/болванчиков». Обратившись к лингвистическим и филологическим источникам, исследователи не зафиксировали близких по фонетическому звучанию слов, этот термин отсутствует и в опубликованных мифологиях, что удивительно. «Нечистая сила» у хантов и манси определяется не как *шайтан*, а общим словом *куль*, которое одновременно применяется в качестве ругательного (*куль пуц*); у манси также есть дух болезней и смерти, которого называют *Куль отыр* (*Куль богатыр*). В современном языке хантов слово «куль» уже мало значимо (вероятно, устаревшее), а у манси – наоборот, является актуальным. Кроме этого, у хантов главный дух смерти и болезней – *Хинь*; есть также большое количество «частных» духов, которые могут навредить человеку, они «специализируются» в определенных областях (например, духи конкретных болезней) – их можно призвать для наказания преступника за совершенное преступление. Существуют идолы (из дерева) – *дэух хур* «духа изображение», которых могут назвать *юх хур* «из дерева изображение». Куклы из ткани, которые обычно помещаются в прикладах или в святилищах, тоже называются *дэух хур*. Известны названия других кукол: *иттерма*, *акань*, *пакки* [14].

Заключение

Анализ изученной проблемы поставил новый вопрос: почему при таком масштабе использования термина «шайтан» православными миссионерами это слово никак не отражено в языках хантов и манси в «чистом» виде, в отличие от языков удмуртов, хакасов и других христианизированных народов? В качестве ответа на этот вопрос выдвинем новую гипотезу: во время православного миссионерства у обских угров уже существовал термин-«конкурент» демонического содержания, имеющий связь с тюркско-мусульманской культурой. В этом плане необходимо обратить внимание на имя и образ главного духа смерти и болезней у обских угров – *Хинь*, а также его совпадение по многим основаниям с сибиро-татарским *жен* («джинн»). Анализ этих связей может показать, что тюркско-мусульманское влияние на культуру обских угров, осуществлявшееся сначала из Сибирского ханства, а после его падения – через торговые, личные и родственные связи с сибирскими татарами, проявлялось не только на уровне языка, быта, одежды и др., но также в религиозных представлениях. В резуль-

тате такого воздействия складывался синкретизм, и он имел гораздо более сложные формы, чем сочетание язычества и христианства. Мусульманский термин «шайтан» закреплялся через воздействие православного духовенства лишь в том случае, если на традиционную культуру народов Севера ранее не оказывалось столь значительного влияния ислама, какое наблюдалось в сфере Сибирского ханства. Если отталкиваться от этой посылки, то сам факт отсутствия в обско-угорских языках ряда значимых для христианских миссионеров религиозных терминов может стать индикатором присутствия в культуре пока не изученных явлений, не отраженных в письменных источниках.

Список литературы

1. Материалы к истории Кондинского Троицкого монастыря XVII в. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб. 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1660-1680/Materialy_Kand_monast/pred.htm (дата обращения: 01.11.2021).
2. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов Т. 2. Перевод с немецкого Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1995. 284 с.
3. Пушкарев А.А., Зайцева О.В., Барсуков Е.В. Продолжение исследования могильника Шайтан II // Археологические открытия. 2011. Т. 2008. С. 478.
4. Барсуков Е.В., Зайцева О.В., Пушкарев А.А. Исследования на городище Шайтан III // Археологические открытия. 2010. Т. 2007. С. 423–424.
5. Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965. 228 с.
6. Плотников Ю.А. О назначении отверстий в лопастях стрел // Вопросы военного дела и демография Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск, 2001. С. 79–95. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kronk.spb.ru/library/plotnikov-yua-2001.htm> (дата обращения: 01.11.2021).
7. Обдорский край и Мангазья в XVII веке. Сборник документов. Екатеринбург: «Издательство «Тезис», 2004. 200 с.
8. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
9. Путевые журналы Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX века.) / Сост. В. Темплинг. Тюмень: Изд-во Ю. Мадрики, 2002. 224 с.
10. Naumenko O.N., Naumenko E.A. The Ob Ugrians-Muslims: historical and psychological factors of the Islam penetration in the traditional culture // *Bylye gody*. 2018. Vol. 49 (3). P. 931–939. DOI: 10.13187/bg.2018.3.931.
11. Науменко О.Н., Бортникова Ю.А. Борьба религиозных миссионеров с суицидами коренных народов севера в XVII – начале XX вв. (на материалах Ямала и Югры) // *Суицидология*. 2021. Т. 12. № 2 (43). С. 3–22. DOI: 10.32878/suiciderus.21-12-02(43)-3-22.
12. Софронов В.Ю. Подготовка миссионеров в Тобольской духовной семинарии в XVIII–XIX вв. // *Историко-педагогический журнал*. 2014. № 1. С. 177–187.
13. Кондинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в. Сборник документов. / Составитель, автор введения и комментариев С.В. Туров. Под ред. Я.А. Яковлева. Томск, 2007. 354 с.
14. Полевые материалы авторов. Информант – Молдана Татьяна Александровна, 1951 г.р., г. Ханты-Мансийск.
15. Гондатти Н.Л. Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири // Репр. Изд. 1886 г. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 96 с.